

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев

I
Дело было в Петербурге, зимой, в первый день масленицы. Меня пригласил к себе обедать один мой пансионский товарищ, слывший в молодости за красную девицу и оказавшийся впоследствии человеком вовсе не застенчивым. Он уже теперь умер, как большая часть моих товарищей. Кроме меня, обещали прийти к обеду некто Константин Александрович Асанов да еще одна тогдашняя литературная знаменитость. Литературная знаменитость заставила себя подождать и прислала наконец записку, что не будет, а на место ее явился маленький белокурый господин, один из тех вечных незваных гостей, которыми Петербург изобилует.

Обед продолжался долго; хозяин не жалел вин, и наши головы понемногу разгорячились. Все, что каждый из нас таил у себя на душе – а кто не таит чего-нибудь на душе? – выступило наружу. Лицо хозяина внезапно потеряло свое стыдливое и сдержанное выражение; глаза его нагло заблестали, и пошлая усмешка скривила его губы; белокурый господин смеялся как-то дрянно, с глупым визгом; но Асанов больше всех удивил меня. Этот человек всегда отличался чувством приличия, а тут начал вдруг проводить рукою по лбу, ломаться, хвастаться своими связями, беспрестанно упоминать о каком-то дядюшке своем, очень важном человеке... Я решительно не узнавал его; он явно подтрунивал над нами... он чуть не брезгал нашим обществом. Нахальство Асанова меня рассердило.

– Послушайте, – сказал я ему, – если мы так ничтожны в ваших глазах, ступайте к вашему знатному дядюшке. Но, может быть, он вас не пускает к себе?

Асанов ничего мне не ответил и продолжал проводить рукою по лбу.

– И что это за люди! – говорил он опять. – Ведь ни в одном порядочном обществе не бывают, ни с одной порядочной женщиной не знакомы, а у меня тут (воскликнул он, проворно вытащив из бокового кармана бумажник и стуча по нему рукой) – целый пук писем от такой девушки, какой в целом мире не найдешь подобной!

Хозяин и белокурый господин не обратили внимания на последние слова Асанова; они оба держали друг друга за пуговицу, и оба что-то рассказывали, но я наострил уши.

– Вот вы и схвастнули, господин племянник знатного лица! – сказал я, придвинувшись к Асанову, – писем у вас никаких нет.

– Вы думаете? – возразил он, свысока поглядев на меня, – а это что? – Он раскрыл бумажник и показал мне около десяти писем, адресованных на его имя... «Знакомый почерк!..» – подумал я.

Я чувствую, что румянец стыда выступает на мои щеки... мое самолюбие страдает сильно... Кому охота сознаться в неблагородном поступке?.. Но делать нечего: начав свой рассказ, я знал наперед, что мне придется покраснеть до ушей. Итак, скрепя сердце я должен сознаться, что...

Вот в чем дело: я воспользовался нетрезвостью Асанова, небрежно кинувшего письма на залитую шампанским скатерть (у меня у самого в голове порядком шумело), и быстро пробежал одно из этих писем...

Сердце во мне сжалось... Увы! я сам был влюблен в девушку, которая писала к Асанову, и теперь уж я не мог сомневаться в том, что она его любит. Все письмо, написанное по-французски, дышало нежностью и преданностью...

«Mon cher ami Constantin!» [1] – так начиналось оно... а кончалось словами: «Будьте осторожны по-прежнему, а я буду ничья или ваша».

Оглушенный, как громом, я несколько мгновений просидел неподвижно, однако наконец опомнился, вскочил и бросился вон из комнаты...

Через четверть часа я уже был на своей квартире.

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Семейство Злотницких было одно из первых, с которым я познакомился после переезда моего в Петербург из Москвы. Оно состояло из отца, матери, двух дочерей и сына. Отец, уже седой, но еще свежий мужчина, бывший военный, занимал довольно важное место, утром находился на службе, после обеда спал, а вечером играл в карты в клубе... Дома он бывал редко, разговаривал мало и неохотно, посматривал исподлобья не то угрюмо, не то равнодушно и, кроме путешествий и географий, не читал ничего, а когда занемогал, раскрашивал картинки, запершись в своем кабинете, или дразнил старого серого попугая Попку. Жена его, больная и чахоточная женщина, с черными впалыми глазами и острым носом, по целым дням не сходила с дивана и все вышивала подушки по канве; она, сколько я мог заметить, побаивалась мужа, точно она в чем перед ним когда-то провинилась. Старшая дочь, Варвара, полная, румяная и русая девушка, лет восемнадцати, все сидела у окна и разглядывала прохожих. Сынок воспитывался в казенном заведении, являлся домой только по воскресеньям и тоже не любил понапрасну тратить слова; даже младшая дочь, Софья, именно та девица, в которую я влюбился, была свойства молчаливого. В доме Злотницких постоянно царствовала тишина; одни пронзительные крики Попки прерывали ее; но гости скоро привыкали к ним и снова ощущали на себе тяжесть и гнет этой вечной тишины. Впрочем, гости редко заглядывали к Злотницким: скучно было у них. Самая мебель, красные с желтоватыми разводами обои в гостиной, множество плетеных стульев в столовой, гарусные полинялые подушки с изображением девиц и собак по диванам, рогатые лампы и сумрачные портреты на стенах – все внушало невольную тоску, от всего веяло чем-то холодным и кислым. Приехав в Петербург, я почел долгом явиться к Злотницким: они доводились сродни моей матушке. Я с трудом высидел час и долго не возвращался; но понемногу стал ходить все чаще и чаще. Меня привлекала Софья, которая сперва мне не понравилась и в которую я наконец влюбился.

Это была девушка небольшого роста, стройная, почти худая, с бледным лицом, густыми черными волосами и большими карими, всегда полузакрытыми глазами. Ее черты, строгие и резкие, особенно ее сжатые губы, выражали твердость и силу воли. В доме знали ее за девушку с характером... «По старшей сестре пошла, по Катерине, – сказала однажды Злотницкая, сидя со мной наедине (при муже она не смела упомянуть об этой Катерине). – Вы ее не знаете: она на Кавказе, замужем. Тринадцати лет, представьте, влюбилась в своего теперешнего мужа и тогда же нам объявила, что за другого не пойдет. Уж мы что ни делали – ничего не помогло! До двадцати трех лет ждала, отца прогневила и пошла-таки за своего идола. Долго ли до греха и с Сонечкой! Сохрани ее господь от такого упрямства! А боюсь я за нее: ведь ей только шестнадцать лет минуло, а уж ее не переломишь...»

Вошел г. Злотницкий; жена его тотчас замолкла.

Собственно, мне Софья полюбилась не за силу воли – нет, но в ней, при всей ее сухости, при недостатке живости и воображения, была своего рода прелесть, прелесть прямоты, честной искренности и чистоты душевной. Я столько же уважал ее, сколько любил... Мне казалось, что и она ко мне благоволила; разочароваться в ее привязанности, убедиться в ее любви к другому было мне больно.

Неожиданное открытие, сделанное мною, тем более удивило меня, что г. Асанов посещал дом Злотницких не часто, гораздо реже меня, и никакого особого предпочтения Сонечке не оказывал. Это был красивый брюнет с выразительными, хотя несколько тяжелыми чертами лица, с блестящими глазами навывкате, с большим белым лбом и пухлыми, красными губками под тонкими усами. Он держал себя весьма скромно, но строго, говорил и судил самоуверенно, молчал с достоинством. Видно было, что он много о себе думал. Асанов смеялся редко, и то сквозь зубы, и никогда не танцевал. Сложен он был довольно мешковато. Он когда-то служил в ...м полку и слыл за дельного офицера.

«Странное дело! – размышлял я, лежа на диване, – как же это я ничего не заметил?..» «Будьте осторожны по-прежнему»: эти слова Софьиного письма вдруг пришли мне на память. «А! – подумал я, – вот что! Вишь, хитрая девчонка! А я считал ее откровенной и искренней... Ну, так стойте же, я покажу вам...»

Но тут я, сколько мне помнится, заплакал горько и до утра не мог заснуть. На другой день, часу во втором, отправился я к Злотницким. Старика не было дома, и жена его не сидела на своем обычном месте: у ней, после блинов, разболелась голова, и она пошла полежать к себе в спальню. Варвара стояла, прислонившись плечом к окну, и глядела на улицу; Софья ходила взад и вперед по комнате, скрестив на груди руки; Попка кричал.

– А! здравствуйте! – лениво проговорила Варвара, как только я вошел в комнату, и тотчас прибавила вполголоса: – А вон мужик идет с лотком на голове.. (У ней была привычка произносить изредка, и словно про себя, замечания о прохожих.)

– Здравствуйте, – ответил я, – здравствуйте, Софья Николаевна. А где Татьяна Васильевна?

– Пошла отдохнуть, – возразила Софья, продолжая расхаживать по комнате.

– У нас блины были, – заметила Варвара, не оборачиваясь. – Что вы не пришли?.. Куда этот писарь идет?

– Да некогда было. («На кра-ул!» – резко закричал попугай.) Как ваш Попка сегодня кричит!

– Он всегда так кричит, – промолвила Софья.

Все мы помолчали.

– Зашел в ворота, – проговорила Варвара и вдруг встала на оконницу и отворила форточку.

– Что ты? – спросила Софья.

– Нищий, – ответила Варвара, нагнулась, достала с окна медный пятак, на котором еще возвышался серенькой кучкой пепел курительной свечки, бросила пятак на улицу, захлопнула форточку и тяжело спрыгнула на пол..

– А я вчера очень приятно время провел, – начал я, садясь в кресла, – я обедал у одного приятеля; там был Константин Александрыч.. (Я посмотрел на Софью, у ней даже бровь не поморщилась.) И, надобно сознаться, – продолжал я, – мы таки покутили; вчетвером бутылок восемь выпили.

– Вот как! – спокойно произнесла Софья и покачала головой.

– Да, – продолжал я, слегка раздраженный ее равнодушием, – и знаете ли что, Софья Николаевна? ведь точно, недаром гласит пословица, что истина в вине.

– А что?

– Константин Александрыч нас рассмешил. Представьте себе: вдруг принялся этак рукою по лбу проводить и приговаривать: «Какой я молодец! у меня дядя знатный человек!..»

– Ха-ха! – раздался короткий, отрывистый смех Варвары.. «Попка! попка! попка!» – забарабанил ей в ответ попугай.

Софья остановилась передо мною и посмотрела мне в лицо.

– А вы что говорили, – спросила она, – не помните?

Я невольно покраснел.

– Не помню! должно быть, и я хорош был. Действительно, – прибавил я с значительной расстановкой, – пить вино опасно: как раз проболтаешься и то скажешь, что бы никому не следовало знать. Будешь раскаиваться после, да уж поздно.

– А вы разве проболтались? – спросила Софья.

– Я не о себе говорю.

Софья отвернулась и снова принялась ходить по комнате. Я глядел на нее и внутренне бесился. «Ведь вишь, – думал я, – ребенок, дитя, а как собой владеет! Каменная просто. Да вот, постой...»

– Софья Николаевна.. – проговорил я громко.

Софья остановилась.

– Что вам?

– Не сыграете ли вы что-нибудь на фортепьяно? Кстати, мне вам нужно что-то сказать, – прибавил я, понизив голос.

Софья, ни слова не говоря, пошла в залу; я отправился вслед за ней. Она остановилась у рояля.

– Что же мне вам сыграть? – спросила она.

– Что хотите... Ноктюрн Шопена.

Софья начала ноктюрн. Она играла довольно плохо, но с чувством. Сестра ее играла одни только польки и вальсы, и то редко. Подойдет, бывало, своей ленивой походкой к роялю, сядет, спустит бурнус с плеч на локти (я не видал ее без бурнуса), заиграет громко одну польку, не кончит, начнет другую, потом вдруг вздохнет, встанет и отправится опять к окну. Странное существо была эта Варвара!

Я сел подле Софьи.

– Софья Николаевна, – начал я, пристально посматривая на нее сбоку, – я должен вам сообщить одну неприятную для меня новость.

– Новость? какую?

– А вот какую... Я до сих пор в вас ошибался, совершенно ошибался.

– Каким это образом? – возразила она, продолжая играть и устремив глаза на свои пальцы.

– Я думал, что вы откровенны; я думал, что вы не умеете хитрить, скрывать свои чувства, лукавить...

Софья приблизила лицо свое к нотам.

– Я вас не понимаю.

– А главное, – продолжал я, – я никак не мог вообразить, что вы, в ваши годы, уже умеете так мастерски разыгрывать роль...

Руки Софьи слегка задрожали над клавишами.

– Что вы это говорите? – проговорила она, все не глядя на меня, – я разыгрываю роль?

– Да, вы. (Она усмехнулась... Злость меня взяла...) Вы притворяетесь равнодушной к одному человеку и... и пишете к нему письма, – прибавил я шепотом.

Щеки Софьи побледнели, но она не обернулась ко мне, доиграла ноктюрн до конца, встала и закрыла крышку рояля.

– Куда же вы? – спросил я ее не без смущения. – Вы мне не отвечаете?

– Что мне вам отвечать? Я не знаю, о чем вы говорите... А притворяться я не умею.

Она начала укладывать ноты...

Кровь мне бросилась в голову.

– Нет, вы знаете, о чем я говорю, – промолвил я, также вставая, – и хотите ли, я вам сейчас напомню некоторые ваши выражения в одном письме: «Будьте осторожны по-прежнему...»

Софья слегка вздрогнула.

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

– Я этого никак от вас не ожидала, – проговорила она наконец.

– И я никак не ожидал, – подхватил я, – что вы, вы, Софья Николаевна, удостоили вашим вниманием человека, который...

Софья быстро ко мне обернулась; я невольно отступил от нее: глаза ее, всегда полузакрытые, расширились до того, что казались огромными, и гневно сверкали из-под бровей.

– А! коли так, – проговорила она, – знайте же, что я люблю этого человека и что мне совершенно все равно, какого вы мнения о нем и о моей любви к нему. И с чего вы взяли?.. Какое вы имеете право это говорить? А если я на что решилась...

Она умолкла и проворно вышла вон из залы.

Я остался. Мне вдруг стало так неловко и так совестно, что я закрыл лицо руками. Я понял все неприличие, всю низость своего поведения и, задыхаясь от стыда и раскаяния, стоял как опозоренный. «Боже мой! – думал я, – что я наделал!»

– Антон Никитич, – послышался голос горничной в передней, – пожалуйста скорей стакан воды для Софьи Николаевны.

– А что? – ответил буфетчик.

– Кажись, плачут-с...

Я содрогнулся и пошел в гостиную за своей шляпой.

– О чем вы толковали с Сонечкой? – равнодушно спросила меня Варвара и, помолчав немного, прибавила вполголоса: – Опять этот писарь идет.

Я начал раскланиваться.

– Куда же вы? Погодите: маменька сейчас выйдет.

– Нет, уж мне нельзя, – проговорил я, – я уж лучше в другой раз.

В это мгновение, к ужасу моему, именно к ужасу, Софья твердыми шагами вошла в гостиную. Лицо ее было бледнее обыкновенного, и веки чуть-чуть покраснели. На меня она и не взглянула.

– Посмотри, Соня, – промолвила Варвара, – какой-то писарь все около нашего дома ходит.

– Шпион какой-нибудь... – холодно и презрительно заметила Софья.

Это уж было слишком! Я ушел и, право, не помню, как дотащился домой. Мне было очень тяжело, так тяжело и горько, что и описать невозможно. В одни сутки два такие жестокие удара! Я узнал, что Софья любит другого, и навсегда лишился ее уважения. Я чувствовал себя до того уничтоженным и пристыженным, что даже негодовать на себя не мог. Лежа на диване и повернувшись лицом к стене, я с каким-то жгучим наслаждением предавался первым порывам отчаянной тоски, как вдруг услышал шаги в комнате. Я поднял голову и увидел одного из самых коротких моих друзей – Якова Пасынкова.

Я готов был рассердиться на каждого человека, который вошел бы ко мне в комнату в этот день, но на Пасынкова сердиться не мог никогда; напротив, несмотря на пожиравшее меня горе, я внутренне обрадовался его приходу и кивнул ему головой. Он, по обыкновению, прошел раза два по комнате, кряхтя и вытягивая свои длинные члены, молча постоял передо мною и молча сел в угол.

Я знал Пасынкова очень давно, почти с детства. Он воспитывался в том же частном пансионе немца Винтеркеллера, в котором и я прожил три года. Отец Якова, бедный отставной майор, человек весьма честный, но несколько поврежденный в уме, привез его, семилетнего мальчика, к этому немцу, заплатил за него за год вперед, уехал из Москвы, да и пропал без вести... Изредка ходили о нем темные, странные слухи. Только лет через восемь узнали с достоверностью, что он утонул в половодье, переправляясь через Иртыш. Что его занесло в Сибирь – господь ведает. У Якова

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
других родных не было; мать его давным-давно умерла. Он так и остался на руках Винтеркеллера. Правда, была у Якова отдаленная родственница, тетка, но до того бедная, что сначала боялась ходить к своему племяннику, как бы не навязали его ей на шею. Страх ее оказался напрасным: добродушный немец оставил у себя Якова, позволил ему учиться вместе с другими воспитанниками, кормил его (за столом его, однако, обносили десертом по будням) и платье ему перешивал из поношенных камлотовых капотов (большей частью табачного цвета) своей матери, престарелой, но еще очень бойкой и распорядительной лифляндки. Вследствие всех этих обстоятельств и вообще вследствие подчиненного положения Якова в пансионе товарищи обращались с ним небрежно, глядели на него свысока и называли его то бабьим капотом, то племянником чепца (тетка его постоянно носила весьма странный чепец с торчавшим сверху пучком желтых лент в виде артишока), то сыном Ермака (так как отец его утонул в Иртыше). Но, несмотря на эти прозвища, несмотря на смешные его платья, на его крайнюю бедность, все его очень любили, да и невозможно было его не любить: более доброй, благородной души, я думаю, и на свете не было. Учился он также очень хорошо.

Когда я увидел его в первый раз, ему было лет шестнадцать, а мне только что минул тринадцатый год. Я был очень самолюбивый и избалованный мальчик, вырос в довольно богатом доме и потому, поступив в пансион, поспешил сблизиться с одним князьком, предметом особенных попечений Винтеркеллера, да еще с двумя-тремя маленькими аристократами, а со всеми другими важничал. Пасынкова я не удостоил даже внимания. Этот длинный и неловкий малый, в безобразной куртке и коротких панталонах, из-под которых выглядывали толстые нитяные чулки, казался мне чем-то вроде казачка из дворовых или мещанского сына. Пасынков был очень вежлив и кроток со всеми, хотя ни в ком никогда не заискивал; если его отталкивали – он не унижался и не дулся, а держался в стороне, как бы сожалея и выжидая. Так он поступил и со мной. Прошло около двух месяцев. Однажды, в летний ясный день, проходя после шумной игры в лапту со двора в сад, увидел я Пасынкова, сидевшего на скамейке под высоким кустом сирени. Он читал книгу. Я взглянул мимоходом на переплет и прочитал на спинке имя Шиллера: «Schiller's werke» [2]. Я остановился.

– Разве вы знаете по-немецки? – спросил я Пасынкова...

Мне до сих пор становится совестно, когда я вспомню, сколько пренебрежения было в самом звуке моего голоса... Пасынков тихо поднял на меня свои небольшие, но выразительные глаза и ответил:

– Да, знаю; а вы?

– Еще бы! – возразил я, уж обиженный, и хотел было идти дальше, да что-то удержало меня.

– А что именно читаете вы из Шиллера? – спросил я с прежней надменностью.

– Теперь? я читаю «Resignation» [3]: прекрасное стихотворение. Хотите, я вам его прочту? Сядьте вот здесь, подле меня, на скамейке.

Я немного поколебался, однако сел. Пасынков начал читать. По-немецки он знал гораздо лучше меня: ему пришлось толковать мне смысл некоторых стихов; но я уж не стыдился ни своего незнания, ни его превосходства передо мною. С того дня, с самого того чтения вдвоем в саду, в тени сирени, я всей душой полюбил Пасынкова, сблизился с ним и подчинился ему вполне.

Живо помню его тогдашнюю наружность. Впрочем, он и после мало изменился. Он был высокого роста, худ, долговяз и довольно неуклюж. Узкие плечи и впалая грудь придавали ему болезненный вид, хотя он не мог пожаловаться на свое здоровье. Его большая, сверху закругленная голова слегка склонялась набок, мягкие русые волосы висели жидкими косицами вокруг тонкой шеи. Лицо его не было красиво и даже могло показаться смешным благодаря длинному, пухлому и красноватому носу, как бы нависшему над широкими и прямыми губами; но открытый лоб его был прекрасен, и когда он улыбался, его маленькие серые глазки светились таким кротким и ласковым добродушием, что при взгляде на него у всякого становилось тепло и весело на сердце. Помню я также его голос, тихий и ровный, с какою-то особенно приятной сипотой. Он говорил вообще мало и с заметным затруднением; но когда одушевлялся, речь его лилась свободно и – странное дело! – голос его становился еще тише, взор его как будто уходил внутрь и погасал, а все лицо слабо разгоралось. В

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
устах его слова: «добро», «истина», «жизнь», «наука», «любовь», как бы восторженно они ни произносились, никогда не звучали ложным звуком. Без напряжения, без усилия вступал он в область идеала; его целомудренная душа во всякое время была готова предстать перед «святыню красоты»; она ждала только приветов, прикосновения другой души... Пасынков был романтик, один из последних романтиков, с которыми мне случалось встретиться. Романтики теперь, как уж известно, почти вывелись; по крайней мере между нынешними молодыми людьми их нет. Тем хуже для нынешних молодых людей!

Около трех лет провел я с Пасынковым, как говорится, душа в душу. Я был поверенным его первой любви. С каким благодарным вниманием и участием выслушивал я его признания! Предметом его страсти была племянница Винтеркеллера, белокурая, миленькая немочка, с пухленьким, почти детским личиком и доверчиво-нежными голубыми глазами. Она была очень добра и чувствительна, любила Маттисона, Уланда и Шиллера и весьма приятно произносила стихи их своим робким и звонким голосом. Любовь Пасынкова была самая платоническая; он видел свою возлюбленную только по воскресеньям (она приезжала играть в фанты с Винтеркеллеровыми детьми) и мало с ней разговаривал; зато однажды, когда она ему сказала «Mein lieber, lieber Herr Jacob!» [4], он всю ночь не мог заснуть от избытка благополучия. Ему и в голову не пришло тогда, что она всем его товарищам говорила: «mein lieber». Помню я также скорбь его и уныние, когда вдруг распространилось известие, что фрейлейн Фридерике (так ее звали) выходит замуж за герра Книфтуса, владельца богатой мясной лавки, очень красивого и даже образованного мужчину, и выходит не из одного повиновения родительской воле, но и по любви. Очень тяжело было тогда Пасынкову, и особенно страдал он в день первого посещения молодых. Бывшая фрейлейн теперь уже фрау Фридерике, представила его, опять под именем lieber Herr Jacob, своему мужу, у которого все блестело: и глаза, и завитые в кок черные волосы, и лоб, и зубы, и пуговицы на фраке, и цепочка на жилете, и самые сапоги на довольно, впрочем, больших, носками врозь поставленных ногах. Пасынков пожал господину Книфтусу руку и пожелал ему (и искренно пожелал – я в этом уверен) полного и продолжительного счастья. Это происходило при мне. Помню я, с каким удивлением и сочувствием глядел я тогда на Якова. Он казался мне героем!.. И потом какие грустные происходили между нами беседы! «Ищи утешения в искусстве», – говорил я ему. «Да, – отвечал он мне, – и в поэзии». – «И в дружбе», – прибавлял я. «И в дружбе», – повторял он. О, счастливые дни!..

Горестно было мне расстаться с Пасынковым! Перед самым моим отъездом он после долгих хлопот и забот, после переписки, часто забавной, достал наконец свои бумаги и поступил в университет. Он продолжал состоять на иждивении Винтеркеллера, но вместо камлотовых курток и брюк получал уже обыкновенную одежду, в воздаяние за уроки по разным предметам, которые преподавал младшим воспитанникам. Пасынков не переменял своего обращения со мной до самого конца моего пребывания в пансионе, хотя разница в годах между нами уже начинала сказываться, и я, помнится, принимался ревновать его к некоторым из его новых товарищей-студентов. Влияние его на меня было самое благотворное. К сожалению, оно не было продолжительным. Приведу один только пример. В детстве я привык лгать... Перед Яковым у меня язык не поворачивался на ложь. Но особенно отрадно было мне гулять с ним вдвоем или ходить возле него взад и вперед по комнате и слушать, как он, не глядя на меня, читал стихи своим тихим и сосредоточенным голосом. Право, мне тогда казалось, что мы с ним медленно, понемногу отделялись от земли и неслись куда-то, в какой-то лучезарный, таинственно-прекрасный край... Помню я одну ночь. Мы сидели с ним под тем же кустом сирени: мы полюбили это место. Все наши товарищи уже спали; но мы тихонько встали, ощупью оделись впотьмах и украдкой вышли «помечтать». На дворе было довольно тепло, но свежий ветерок дул по временам и заставлял нас еще ближе прижиматься друг к другу. Мы говорили, мы говорили много и с жаром, так что даже перебивали друг друга, хотя и не спорили. На небе сияли бесчисленные звезды. Яков поднял глаза и, стиснув мне руку, тихо воскликнул:
Над нами

Небо с вечными звездами...

А над звездами их творец...

Благоговейный трепет пробежал по мне; я весь похолодел и припал к его плечу...
Сердце переполнилось...

Где те восторги? Увы! там же, где и молодость.

В Петербурге я встретил Якова лет восемь спустя. Я только что определился на службу, и ему кто-то доставил местечко в каком-то департаменте. Встреча наша была самая радостная. Никогда мне не забыть того мгновенья, когда я, сидя однажды у себя дома, услышал внезапно в передней его голос... Как я вздрогнул, с каким биением сердца вскочил и бросился ему на шею, не дав ему времени снять с себя шубу и раскутать шарф! Как жадно глядел я на него сквозь невольные светлые слезы умиления! Он немного постарел в последние семь лет; морщины, тонкие, как след иглы, кой-где пробороzdили лоб его, щеки слегка впали, и волосы поредели, но бороды почти не прибавилось, и улыбка его осталась та же; и смех его, милый, внутренний, словно задыхающийся смех, остался тот же...

Боже мой! чего, чего мы не переговорили в тот день... Сколько любимых стихов прочли мы друг другу! Я начал его упрашивать переехать ко мне на житье, но он не согласился, зато обещал заходить ко мне ежедневно и сдержал свое обещание.

И душою Пасынков не изменился. Он предстал передо мною тем же романтиком, каким я знал его. Как ни охватывал его жизненный холод, горький холод опыта, – нежный цветок, рано расцветший в сердце моего друга, уцелел во всей своей нетронутой красе. Даже грусти, даже задумчивости не проявлялось в нем: он по-прежнему был тих, но вечно весел душою.

В Петербурге жил он как бы в пустыне, не размышляя о будущем и не знаясь почти ни с кем. Я его свел с Злотницкими. Он к ним ходил довольно часто. Не будучи самолюбив, он не был застенчив; но и у них, как и у всех, говорил мало, однако полюбился им. Тяжелый старик, муж Татьяны Васильевны, и тот обходился с ним ласково, и обе молчаливые девушки скоро к нему привыкли.

Бывало, он придет, принесет с собою, в заднем кармане сюртука, какое-нибудь вновь вышедшее сочинение и долго не решается читать, все вытягивает шею набок, как птица, да высматривает: можно ли? наконец, уместится в уголку (он вообще любил сидеть по углам), достанет книжку и примется читать, сперва шепотом, потом громче и громче, изредка перерывая самого себя короткими суждениями или восклицаниями. Я замечал, что Варвара охотнее сестры к нему подсаживалась и слушала его, хотя, конечно, мало его понимала: литература не занимала ее. Сидит, бывало, перед Пасынковым, опершись на руки подбородком, глядит ему – не в глаза, а так, во все лицо, и словечка не промолвит, только шумно вздохнет вдруг. По вечерам мы играли в фанты, особенно в воскресения и в праздники. К нам тогда присоединялись две барышни, сестры, отдаленные родственницы Злотницких, маленькие, кругленькие, хохотуны страшные, да несколько кадетов и юнкеров, очень добрых и тихих мальчиков. Пасынков всегда садился подле Татьяны Васильевны и вместе с ней придумывал, что делать тому, чей фант вынется.

Софья не любила нежностей и поцелуев, которыми обыкновенно выкупаются фанты, а Варвара досадовала, когда ей приходилось что-нибудь отыскивать или отгадывать. Барышни знай себе хохотали – откуда у них смех брался, – меня иногда досада разбирала, на них глядя, а Пасынков только улыбался и головой покачивал. Старик Злотницкий в наши игры не вмешивался и даже не совсем ласково посматривал на нас из-за дверей своего кабинета. Раз только, совершенно неожиданно, вышел он к нам и предложил, чтобы та особа, чей фант вынется, провальсировала вместе с ним; мы, разумеется, согласились. Вышел фант Татьяны Васильевны: она вся покраснела, смешалась и застыдилась, как пятнадцатилетняя девочка, – но муж ее тотчас приказал Софье сесть за фортепьяно, подошел к жене и сделал с ней два тура, по-старинному, в три темпа. Помню я, как его желчное и темное лицо, с не улыбающимися глазами, то показывалось, то скрывалось, медленно оборачиваясь и не меняя своего строгого выражения. Вальсируя, он широко шагал и подпрыгивал, а жена его быстро семенила ногами и прижималась, как бы от страха, лицом к его груди. Он довел ее до ее места, поклонился ей, ушел к себе и заперся. Софья хотела было встать. Но Варвара попросила ее продолжать вальс, подошла к Пасынкову и, протянув руку, с неловкой усмешкой сказала: хотите? Пасынков удивился, однако вскочил – он всегда отличался утонченной вежливостью, – взял Варвару за талью, но с первого же шага поскользнулся и, быстро отделившись от своей дамы, покотился прямо под тумбочку, на которой стояла клетка попугая... Клетка упала, попугай испугался и закричал: на кра-ул! Поднялся общий хохот... Злотницкий показался на пороге кабинета, поглядел сурово и захлопнул дверь. С тех пор стоило только вспомнить при Варваре об этом происшествии, и она тотчас начинала смеяться и с таким выражением поглядывала на Пасынкова, как будто умнее того, что он тогда сделал, невозможно было ничего придумать.

Пасынков очень любил музыку. Он часто просил Софью сыграть ему что-нибудь, садился в сторонке и слушал, изредка подтягивая тонким голосом на чувствительных нотках. Особенно любил он «Созвездия» Шуберта. Он уверял, что, когда при нем играли «Созвездия», ему всегда казалось, что вместе с звуками какие-то голубые длинные лучи лились с вышины ему прямо в грудь. Я еще до сих пор, при виде безоблачного ночного неба с тихо шевелящимися звездами, всегда вспоминаю мелодию Шуберта и Пасынкова... Приходит мне еще на ум одна загородная прогулка. Мы поехали целым обществом в двух ямских четвероместных каретах в Парголово. Помнится, кареты взяли с Владимирской; они были очень стары, голубого цвета, на круглых рессорах, с широкими козлами и клочками сена внутри; бурые разбитые лошади везли нас тяжелой рысью, хромая каждая на разную ногу. Мы долго гуляли по сосновым рощам вокруг Парголово, пили молоко из глиняных кувшинчиков и ели землянику с сахаром. Погода была чудесная. Варвара не любила много ходить, она скоро утомлялась, но на этот раз она от нас не отставала. Она сняла шляпу, волосы ее развилась, тяжелые черты оживились, и щеки покраснели. Встретивши в лесу двух крестьянских девушек, она вдруг села на землю, подозвала и не приласкала, а усадила их возле себя. Софья посмотрела на них издали с холодной улыбкой и не подошла к ним. Она гуляла с Асановым, а Злотницкий заметил, что Варвара – настоящая наседка. Варвара встала и пошла прочь. В течение прогулки она несколько раз подходила к Пасынкову и говорила ему: «Яков Иваныч, я вам что-то хочу сказать», – но что она хотела ему сказать – осталось неизвестным. Впрочем, пора мне возвратиться к моему рассказу.

Я обрадовался приходу Пасынкова; но когда вспомнил о том, что сделал накануне, мне стало невыразимо совестно, и я поспешно отвернулся опять к стене. Погодя немного Яков спросил меня, здоров ли я.

– Здоров, – отвечал я сквозь зубы, – только голова болит.

Яков ничего не ответил и взял книгу. Прошло более часу; я уже собирался во всем сознаться Якову... Вдруг в передней прозвенел колокольчик.

Дверь на лестницу растворилась... я прислушался... Асанов спрашивал моего человека, дома ли я.

Пасынков встал; он не любил Асанова и, сказав мне шепотом, что пойдет полежать на моей постели, отправился ко мне в спальню.

Минуту спустя вошел Асанов.

По одному покрасневшему лицу его, короткому и сухому поклону я догадался, что он приехал ко мне неспроста. «Что-то будет?» – подумал я.

– Милостивый государь, – начал он, быстро садясь в кресло, – я явился к вам для того, чтобы вы разрешили мне одно сомнение.

– А именно?

– А именно: я желаю знать, честный ли вы человек?

Я вспыхнул.

– Это что значит? – спросил я.

– А вот что это значит... – возразил он, словно отчеканивая каждое слово, – вчера я вам показывал бумажник с письмами одной особы ко мне... Сегодня вы с упреком – заметьте, с упреком – пересказывали этой особе несколько выражений из этих писем, не имея на то ни малейшего права. Я желаю знать, как вы это объясните?

– А я желаю знать, какое вы имеете право меня расспрашивать? – ответил я, весь дрожа от бешенства и внутреннего стыда. – Вольно вам было щеголять вашим дядюшкой, вашей перепиской; я-то тут что? Ведь все ваши письма целы?

– Письма-то целы; но я был вчера в таком состоянии, что вы легко могли...

– Одним словом, милостивый государь, – заговорил я нарочно как можно громче, – я прошу вас оставить меня в покое, слышите ли? Я ничего знать не хочу и объяснять

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
вам ничего не стану. Ступайте к той особе за объяснениями! (Я чувствовал, что у
меня голова начинала кружиться.)

Асанов устремил на меня взгляд, которому, видимо, старался придать выражение
насмешливой пронизательности, пощипал свои усики и встал не спеша.

– Я теперь знаю, что мне думать, – промолвил он, – ваше лицо – лучшая вам улика.
Но я должен вам заметить, что благородные люди так не поступают... Прочесте
украдкой письмо и потом идти к благородной девушке беспокоить ее...

– Убирайтесь вы к черту! – закричал я, затопав ногами, – и присылайте мне
секунданта, с вами я не намерен разговаривать.

– Прошу не учить меня, – холодно возразил Асанов, – а секунданта я и сам хотел к
вам прислать.

Он ушел. Я упал на диван и закрыл лицо руками. Кто-то тронул меня за плечо; я
принял руки – передо мной стоял Пасынков.

– Что это? правда?.. – спросил он меня, – ты прочел чужое письмо?

Я не имел сил ответить ему, но качнул утвердительно головой.

Пасынков подошел к окну и, стоя ко мне спиной, медленно проговорил:

– Ты прочел письмо одной девушки к Асанову. Кто же была эта девушка?

– Софья Злотницкая, – отвечал я, как подсудимый отвечает судье.

Пасынков долго не вымолвил ни слова.

– Одна страсть может до некоторой степени извинить тебя, – начал он наконец. –
Разве ты влюблен в Злотницкую?

– Да.

Пасынков опять помолчал.

– Я это думал. И ты сегодня пошел к ней и начал упрекать ее...

– Да, да, да... – проговорил я с отчаяньем. – Ты теперь можешь меня презирать...

Пасынков прошелся раза два по комнате.

– А она его любит? – спросил он.

– Любит...

Пасынков потупился и долго смотрел неподвижно на пол.

– Ну, этому надо помочь, – начал он, подняв голову, – этого нельзя так оставить.

И он взялся за шляпу.

– Куда же ты?

– К Асанову.

Я вскочил с дивана.

– Да я тебе не позволю. Помилуй! как можно! что он подумает?

Пасынков поглядел на меня.

– А по-твоему, разве лучше дать этой глупости ход, себя погубить, девушку
опозорить?

– Да что ты скажешь Асанову?

– Я постараюсь вразумить его, скажу, что ты просишь у него извинения...

– Да я не хочу извиняться пред ним!

– Не хочешь? Разве ты не виноват?

Я посмотрел на Пасынкова: спокойное и строгое, хотя грустное выражение лица его меня поразило; оно было ново для меня. Я ничего не отвечал и сел на диван.

Пасынков вышел.

С каким мучительным томлением ожидал я его возвращения! С какой жестокой медленностью проходило время! Наконец он вернулся – поздно.

– Ну что? – спросил я робким голосом.

– Слава богу! – отвечал он, – все улажено.

– Ты был у Асанова?

– Был.

– Что он? чай, ломался? – промолвил я с усилием.

– Нет, не скажу. Я ожидал больше... Он... он не такой пошлый человек, каким я почитал его.

– Ну, а кроме его, ты ни у кого не был? – спросил я погодя немного.

– Я был у Злотницких.

– А!.. (Сердце у меня забилось. Я не смел взглянуть Пасынкову в глаза.) Что ж она?

– Софья Николаевна – девушка благоразумная, добрая... Да, она добрая девушка. Ей сначала было неловко, но потом она успокоилась. Впрочем, весь наш разговор продолжался не более пяти минут.

– И ты... ей все сказал... обо мне... все?

– Я сказал, что было нужно.

– Мне уж теперь нельзя будет больше ходить к ним! – проговорил я уныло...

– Отчего же? Нет, изредка можно. Напротив, ты должен к ним непременно пойти, чтоб не подумали чего-нибудь...

– Ах, Яков, ты меня теперь презирать будешь! – воскликнул я, чуть сдерживая слезы.

– Я? презирать тебя?.. (Его ласковые глаза затеплились любовью.) Тебя презирать... глупый человек! Разве тебе легко было? Разве ты не страдаешь?

Он протянул мне руку, я бросился к нему на шею и зарыдал.

Спустя несколько дней, в течение которых я мог заметить, что Пасынков был очень не в духе, я решился наконец пойти к Злотницким. Что я чувствовал, вступая к ним в гостиную, это словами передать трудно; помню, что я едва различал лица, и голос прерывался в груди. И Софье было не легче: она видимо принуждала себя заговаривать со мною, но глаза ее так же избегали моих, как мои – ее, и в каждом ее движении, во всем существе проглядывало принуждение, смешанное... что таить правду? с тайным отвращением. Я постарался как можно скорее избавиться и ее и себя от таких тягостных ощущений. Это свидание было, к счастью, последним... перед ее браком. Внезапная перемена в судьбе моей увлекла меня в другой конец России, и я надолго простился с Петербургом, с семейством Злотницких и, что мне было всего больнее, с добрым Яковом Пасынковым.

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Прошло лет семь. Не считаю нужным рассказывать, что именно происходило со мной в течение всего этого времени. Помаялся я таки по России, заезжал в глушь и в даль, и слава богу! Глушь и даль не так страшны, как думают иные, и в самых потаенных местах дремучего леса, под валежником и дромом, растут душистые цветы.

Однажды весной, проезжая по делам службы через небольшой уездный городок одной из отдаленных губерний восточной России, я сквозь тусклое стеклышко тарантаса увидел на площади, перед лавкой, человека, лицо которого мне показалось чрезвычайно знакомым. Я вгляделся в этого человека и, к немалой своей радости, узнал в нем Елисея, слугу Пасынкова.

Я тотчас велел ямщику остановиться, выскочил из тарантаса и подошел к Елисею.

– Здравствуй, брат! – проговорил я, с трудом скрывая волнение, – ты здесь с своим барином?

– С барином, – возразил он медленно и вдруг воскликнул: – Ах, батюшка, это вы? Я и не узнал вас!

– Ты здесь с Яковом Иванычем?

– С ним, батюшка, с ним... А то с кем же?

– Веди меня скорей к нему.

– Извольте, извольте! Сюда пожалуйста, сюда... Мы здесь в трактире стоим.

И Елисей повел меня через площадь, беспрестанно приговаривая: «Ну, как же Яков Иваныч обрадуется!»

Этот Елисей, калмык по происхождению, человек на вид крайне безобразный и даже дикий, но добрейшей души и неглупый, страстно любил Пасынкова и служил ему лет десять.

– Как здоровье Якова Иваныча? – спросил я его.

Елисей обернул ко мне свое темно-желтое личико.

– Ах, батюшка, плохо... плохо, батюшка! Вы их не узнаете... Недолго им, кажется, остается на свете пожить. Оттого-то мы здесь и засели, а то мы ведь в Одессу ехали лечиться.

– Откуда же вы едете?

– Из Сибири, батюшка.

– Из Сибири?

– Точно так-с. Яков Иваныч там на службе состояли-с. Там они и рану свою получили-с.

– Разве он в военную службу поступил?

– Никак нет-с. В статской служили-с.

«Что за чудеса!» – подумал я. Между тем мы подошли к трактиру, и Елисей побежал вперед доложить обо мне. В первые годы нашей разлуки мы с Пасынковым переписывались довольно часто, но последнее письмо его я получил года четыре назад и с тех пор ничего не знал о нем.

– Пожалуйста-с, пожалуйста-с! – кричал мне Елисей с лестницы. – Яков Иваныч очень желают вас видеть-с.

Я поспешно вбежал по шатким ступеням, вошел в темную маленькую комнату – и сердце во мне перевернулось... На узкой постели, под шинелью, бледный как мертвец, лежал Пасынков и протягивал мне обнаженную исхудалую руку. Я бросился к нему и судорожно его обнял.

– Яша! – воскликнул я наконец, – что с тобой?

– Ничего, – ответил он слабым голосом, – прихворнул немного. Ты каким случаем сюда попал?

Я сел на стул подле постели Пасынкова и, не выпуская его руки из своих рук, начал глядеть ему в лицо. Я узнал дорогие мне черты: выражение его глаз, его улыбка не изменились; но что с ним сделала болезнь!

Он заметил впечатление, которое произвел на меня.

– Я дня три не брился, – промолвил он, – ну, да и не причесан, а то я... еще ничего.

– Скажи, пожалуйста, Яша, – начал я, – что это мне сказал Елисей... Ты ранен?

– А! да это целая история, – возразил он. – Я тебе после расскажу. Точно, я ранен, и вообрази, чем? стрелой.

– Стрелой?

– Да, стрелой, только не мифологической, не стрелой амура, а настоящей стрелой из какого-то прегибкого дерева, с искусным острием на конце... Очень неприятное ощущение производит такая стрела, особенно когда попадает в легкие.

– Да каким это образом? помилуй...

– А вот каким. Ты знаешь, в моей судьбе было всегда много смешного. Помнишь мою комическую переписку по делу вытребования бумаг? Вот я и ранен смешно. И в самом деле, какой порядочный человек, в наше просвещенное столетие, позволит себя ранить стрелой? И не случайно – заметь, не во время каких-нибудь игрищ, а на сражении.

– Да ты все мне не говоришь...

– А вот постой, – перебил он. – Ты знаешь, что меня скоро после твоего отъезда из Петербурга перевели в Новгород. В Новгороде я провел довольно много времени и, признаться, скучал, хотя я и там встретился с одним существом (он вздохнул)... Но теперь не до того; а года два назад вышло мне прекрасное местечко, правда, далеко немножко, в Иркутской губернии, да что за беда! Видно, нам с отцом на роду было написано посетить Сибирь. Славный край Сибирь! Богатый, привольный – это тебе всякий скажет. Очень мне там понравилось. Иностранцы у меня под началом состояли; народ смиренный; да, на мою беду, вздумалось им, человекам десяти, не больше, контрабанду провезти. Меня послали их перехватить. Перехватить-то я их перехватил, да один из них, сдуру должно быть, захотел защищаться, да и попотчевал меня этой стрелой... Я было чуть не умер, однако оправился. Теперь вот еду окончательно вылечиться... Начальство, дай бог им всем здоровья, денег дало.

Пасынков в изнеможении опустил голову на подушку и умолк. Слабый румянец разлился по его щекам. Он закрыл глаза.

– Много говорить не могут, – проговорил вполголоса Елисей, не выходявший из комнаты.

Наступило молчание; только и слышалось, что тяжелое дыхание больного.

– Да вот, – продолжал он, опять открыв глаза, – вторую неделю сижу в этом городишке... простудился, должно быть. Меня лечит здешний уездный врач – ты его увидишь; он, кажется, дело свое знает. Впрочем, я очень этому случаю рад, а то как бы я с тобою встретился? (И он взял меня за руку. Его рука, еще недавно холодная как лед, теперь пылала.) Расскажи ты мне что-нибудь о себе, – заговорил он опять, откидывая от груди шинель, – ведь мы с тобой бог знает когда виделись.

Я поспешил исполнить желание его, лишь бы не дать ему говорить, и принялся рассказывать. Он сперва слушал меня с большим вниманием, потом попросил пить, а там опять начал закрывать глаза и метаться головой на подушке. Я посоветовал ему соснуть немного, прибавив, что не поеду дальше, пока он не поправится, и помещусь в комнате с ним рядом.

– Здесь очень скверно... – начал было Пасынков, но я зажал ему рот и тихо вышел. Елисей тоже вышел вслед за мной.

– Что же это, Елисей? ведь он умирает? – спросил я верного слугу.

Елисей только махнул рукой и отвернулся.

Отпустив ямщика и наскоро перебравшись в смежную комнату, я отправился посмотреть, не заснул ли Пасынков. У двери его я столкнулся с человеком высокого роста, очень толстым и грузным. Лицо его, рябое и пухлое, выражало лень – и больше ничего; крохотные глазки так и слипались, и губы лоснились, как после сна.

– Позвольте узнать, – спросил я его, – вы не доктор ли?

Толстый человек посмотрел на меня, усиленно приподняв бровями свой нависший лоб.

– Точно так-с, – промолвил он наконец.

– Сделайте одолжение, господин доктор, не угодно ли вам пожаловать сюда, ко мне в комнату? Яков Иваныч, кажется, теперь спит; я его приятель и желал бы поговорить с вами о его болезни, которая меня очень беспокоит.

– Очень хорошо-с, – отвечал доктор с таким выражением, как будто желая сказать: «Охота тебе так много говорить, я бы и так пошел», – и направился вслед за мной.

– Скажите, пожалуйста, – начал я, как только он опустился на стул, – состояние моего приятеля опасно? как вы находите?

– Да, – спокойно отвечал толстяк.

– И... очень оно опасно?

– Да, опасно.

– Так что он даже... умереть может?

– Может.

Признаюсь, я почти с ненавистью посмотрел на моего собеседника.

– Так помилуйте, – начал я, – надобно прибегнуть к каким-нибудь мерам, консилиум созвать, что ли... Ведь нельзя же так... Помилуйте!

– Консилиум, можно. Отчего ж? Можно. Ивана Ефремыча позвать...

Доктор говорил с трудом и беспрестанно вздыхал. Желудок его заметно приподнимался, когда он говорил, как бы выпирая каждое слово.

– Кто такой Иван Ефремыч?

– Городской врач.

– Не послать ли в губернский город – как вы думаете? Там, наверное, есть хорошие доктора.

– Что ж? можно.

– А кто там лучшим врачом почитается?

– Лучшим? Был там кольрабус доктор... только его чуть ли не перевели куда-то. Впрочем, признаться, оно и не нужно посылать-то.

– Почему же?

– Вашему приятелю и губернский доктор не поможет.

– Разве он так плох?

– Да-таки, наткнулся.

– Чем же он, собственно, болен?

– Рану получил... Легкие, значит, пострадали... ну, тут еще простудился, сделался жар... ну, и прочее. А запасной экономии нет: без запасной экономии, вы сами знаете, человеку невозможно.

Мы оба помолчали.

– Разве гомеопатией попробовать... – проговорил толстяк, искоса взглянув на меня.

– Как гомеопатией? Ведь вы аллопат?

– Так что ж, что аллопат? Вы думаете, что я гомеопатию не знаю? Не хуже другого. Здесь у нас аптекарь гомеопатией лечит, а он и ученой степени никакой не имеет.

«Ну, – подумал я, – плохо дело!..»

– Нет, господин доктор, – промолвил я, – вы уж лучше лечите по вашей обыкновенной методе.

– Как угодно-с.

Толстяк встал и вздохнул.

– Вы идете к нему? – спросил я.

– Да, надо посмотреть.

И он вышел.

Я не пошел за ним: видеть его у постели моего бедного больного друга было свыше сил моих. Я кликнул своего человека и приказал ему тотчас же ехать в губернский город, спросить там лучшего врача и привезти его непременно. Что-то застучало в коридоре; я быстро отворил дверь.

Доктор уже выходил от Пасынкова.

– Ну что? – спросил я его шепотом.

– Ничего, микстуру прописал.

– Я, господин доктор, решил послать в губернский город. Не сомневаюсь в вашем искусстве, но вы знаете сами: ум хорошо, а два лучше.

– Ну что ж, это похвально! – возразил толстяк и начал спускаться по лестнице. Я ему, видимо, надоедал.

Я вошел к Пасынкову.

– Видел ты здешнего эскулапа? – спросил он меня.

– Видел, – отвечал я.

– Мне что нравится в нем, – заговорил Пасынков, – это его удивительное спокойствие. Доктору следует быть флегматиком, не правда ли? Это очень ободрительно для больного.

Я, разумеется, не стал разуберять его.

К вечеру Пасынкову, против ожидания моего, сделалось легче. Он попросил Елисея поставить самовар, объявил мне, что будет угощать меня чаем и сам выпьет чашечку, и заметно повеселел. Я, однако, все-таки старался не давать ему разговаривать и, видя, что он никак не хочет угомониться, спросил его, не желает

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
ли он, чтоб я ему прочел что-нибудь?

– Как у Винтеркеллера – помнишь? – ответил он, – ну, изволь, с удовольствием. Что ж мы будем читать? Посмотри-ка, там у меня на окне книги...

Я подошел к окну и взял первую книгу, попавшуюся мне под руку...

– Что это? – спросил он.

– Лермонтов.

– А! Лермонтов! Прекрасно! Пушкин выше, конечно... Помнишь: «Снова тучи надо мною собрались в тишине...» или: «В последний раз твой образ милый дерзаю мысленно ласкать». Ах, чудо! чудо! Но и Лермонтов хорош. Ну, знаешь что, брат, возьми, раскрой наудачу и читай!

Я раскрыл книгу и смутился: мне попалось «Завещание». Я хотел было перевернуть страницу, но Пасынков заметил мое движение и торопливо проговорил: «Нет, нет, нет, читай то, что вскрылось».

Делать было нечего: я прочел «Завещание».

– Славная вещь! – проговорил Пасынков, как только я произнес последний стих. – Славная вещь! А странно, – прибавил он, помолчав немного, – странно, что тебе именно «Завещание» попалось... Странно!

Я начал читать другое стихотворение, но Пасынков не слушал меня, глядел куда-то в сторону и раза два еще повторил: «Странно!»

Я опустил книгу на колени.

– «Соседка есть у них одна», – прошептал он и вдруг, обратившись ко мне, спросил: – А что, помнишь ты Софью Злотницкую?

Я покраснел.

– Как не помнить!

– Ведь она замуж вышла?..

– За Асанова, давным-давно. Я тебе писал об этом.

– Точно, точно, писал. Отец ее простил наконец?

– Простил, но Асанова не принял.

– Упрямый старик! Ну, а как слышно, счастливо они живут?

– Не знаю, право... кажется, счастливо. Они в деревне живут, в ***ой губернии; я их не видал, но проезжал мимо.

– И дети есть у них?

– Кажется, есть... Кстати, Пасынков? – спросил я.

Он взглянул на меня.

– Признайся, ты, помнится, тогда не хотел отвечать на мой вопрос: ведь ты сказал ей, что я ее любил?

– Я все ей сказал, всю правду... Я ей всегда правду говорил. Скрытничать перед ней – это был бы грех!

Пасынков помолчал.

– Ну, а скажи мне, – начал он опять, – скоро ты разлюбил ее или нет?

– Не скоро, но разлюбил. Что пользы вздыхать понапрасну?

Пасынков перевернулся ко мне лицом.

– А я, брат, – начал он, и губы его задрожали, – не тебе чета: я до сих пор не разлюбил ее.

– Как! – воскликнул я с невыразимым изумлением, – разве ты любил ее?

– Любил, – медленно проговорил Пасынков и занес обе руки за голову. – Как я ее любил, это известно одному богу. Никому я не говорил об этом, никому в мире, и не хотел никому говорить... да уж так! «На свете мало, говорят, мне остается жить...» Куда ни шло!

Неожиданное признание Пасынкова до того меня удивило, что я решительно не мог ничего сказать и только думал: «Возможно ли? как же я этого не подозревал?»

– Да, – продолжал он, как бы говоря с самим собою, – я ее любил. Я не перестал ее любить даже тогда, когда узнал, что сердце ее принадлежит Асанову. Но тяжело мне было узнать это! Если б она тебя полюбила, я бы по крайней мере за тебя порадовался; но Асанов... Чем он мог ей понравиться? Его счастье! А изменить своему чувству, разлюбить она уж не могла. Честная душа не меняется...

Я вспомнил посещение Асанова после рокового обеда, вмешательство Пасынкова и невольно всплеснул руками.

– Ты от меня все это узнал, бедняк! – воскликнул я, – и ты же взялся пойти к ней тогда!

– Да, – заговорил опять Пасынков, – это объяснение с ней... я его никогда не забуду. Вот когда я узнал, вот когда я понял, что значит давно мною избранное слово: Resignation. Но все же она осталась моей постоянной мечтой, моим идеалом... А жалок тот, кто живет без идеала!

Я глядел на Пасынкова: глаза его, словно устремленные вдаль, блестели лихорадочным блеском.

– Я любил ее, – продолжал он, – я любил ее, ее, спокойную, честную, недоступную, неподкупную; когда она уехала, я чуть не помешался с горя... С тех пор я уж никого не любил...

И вдруг, отвернувшись, он прижал лицо к подушке и тихо заплакал.

Я вскочил, нагнулся к нему и начал утешать его...

– Ничего, – промолвил он, приподняв голову и встряхнув волосами, – это так; немножко горько стало, немножко жалко... себя, то есть... Но все это ничего. Все стихи виноваты. Прочти-ка мне другие, повеселее.

Я взял Лермонтова, стал быстро переворачивать страницы; но мне, как нарочно, все попадались стихотворения, которые могли опять взволновать Пасынкова. Наконец я прочел ему «Дары Терека».

– Трескотня риторическая! – проговорил мой бедный друг тоном наставника, – а есть хорошие места. Я, брат, без тебя сам попытался в поэзию пуститься и начал одно стихотворение: «Кубок жизни» – ничего не вышло! Наше дело, брат, сочувствовать, не творить... Однако я что-то устал; сосну-ка я маленько – как ты полагаешь? Экая славная вещь сон, подумаешь! Вся жизнь наша – сон, и лучшее в ней опять-таки сон.

– А поэзия? – спросил я.

– И поэзия – сон, только райский.

Пасынков закрыл глаза.

Я постоял немного у его постели. Не думал я, чтоб он мог скоро уснуть, однако дыхание его становилось ровнее и продолжительнее. Я на цыпочках вышел вон, вернулся в свою комнату и лег на диван. Долго думал я о том, что мне сказал

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Пасынков, припоминал многое, дивился, наконец заснул сам...

Кто-то толкнул меня; я очнулся: передо мной стоял Елисей.

– Пожалуйте к барину, – сказал он.

Я тотчас встал.

– Что с ним?

– Бредит.

– Бредит? А прежде с ним этого не бывало?

– Нет, и в прошедшую ночь бредил, только сегодня что-то страшно.

Я вошел в комнату Пасынкова. Он не лежал, а сидел на своей постели, наклонясь всем туловищем вперед, тихо разводил руками, улыбался и говорил, все говорил голосом беззвучным и слабым, как шелест тростника. Глаза его блуждали. Печальный свет ночника, поставленного на полу и загороженного книгой, лежал недвижимым пятном на потолке; лицо Пасынкова казалось еще бледнее в полумраке.

Я подошел к нему, окликнул его – он не отозвался. Я стал прислушиваться к его лепету: он бредил о Сибири, о ее лесах. По временам был смысл в его бреде.

«Какие деревья! – шептал он, – до самого неба. Сколько на них инею! Серебро... Сугробы... А вот следы маленькие... то заяк скакал, то бел горностай... Нет, это отец пробежал с моими бумагами. Вон он... вон он! Надо идти; луна светит. Надо идти сыскать бумаги... А! Цветок, алый цветок – там Софья... Вот колокольчики звенят, то мороз звенит... Ах, нет; это глупые снегири по кустам прыгают, свистят... Вишь, краснозобые! Холодно... А! вот Асанов... Ах да, ведь он пушка – медная пушка, и лафет у него зеленый. Вот отчего он нравится. Звезда покатила? Нет, это стрела летит... Ах, как скоро, и прямо мне в сердце!.. Кто это выстрелил? Ты, Сонечка?»

Он нагнул голову и начал шептать бессвязные слова. Я взглянул на Елисея: он стоял, заложив руки за спину, и жалостно глядел на своего господина.

– А что, брат, ты сделался практическим человеком? – спросил он вдруг, устремив на меня такой ясный, такой сознательный взгляд, что я невольно вздрогнул и хотел было ответить, но он тотчас же продолжал: – А я, брат, не сделался практическим человеком, не сделался, что ты будешь делать! Мечтателем родился, мечтателем! Мечта, мечта... Что такое мечта? Мужик Собакевича – вот мечта. Ох!..

Почти до самого утра бредил Пасынков; наконец он понемногу утих, опустился на подушку и задремал. Я вернулся к себе в комнату. Измученный жестокою ночью, я заснул крепко.

Елисей опять меня разбудил.

– Ах, батюшка! – заговорил он трепетным голосом. – Мне сдается, Яков Иваныч помирает...

Я побежал к Пасынкову. Он лежал неподвижно. При свете начинавшегося дня он уж казался мертвецом. Он узнал меня.

– Прощай, – прошептал он, – поклонись ей, умираю...

– Яша! – воскликнул я, – полно! ты будешь жить...

– Нет, куда! Умираю... Вот возьми себе на память... (Он указал рукой на грудь.) Что это? – заговорил он вдруг, – посмотри-ка: море... все золотое, и по нем голубые острова, мраморные храмы, пальмы, фициам...

Он умолк... потянулся...

Через полчаса его не стало. Елисей с плачем припал к его ногам. Я закрыл ему глаза.

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

На шее у него была небольшая шелковая ладанка на черном шнурке. Я взял ее к себе.

На третий день его похоронили... Благороднейшее сердце скрылось навсегда в могиле! Я сам бросил на него первую горсть земли.

III

Прошло еще полтора года. Дела заставили меня заехать в Москву. Я поселился в одной из хороших тамошних гостиниц. Однажды, проходя по коридору, взглянул я на черную доску с именами проезжих и чуть не вскрикнул от изумления: против двенадцатого номера стояло четко написанное мелом имя Софьи Николаевны Асановой. В последнее время я случайно услышал много нехорошего о ее муже; узнал, что он пристрастился к вину, к картам, разорился и вообще дурно ведет себя. О его жене отзывались с уважением... Не без волнения вернулся я к себе в комнату. Давным-давно застывшая страсть как будто шевельнулась в сердце, и оно забилося. Я решил сходить к Софье Николаевне. «Сколько времени протекло со дня нашей разлуки, – думал я, – она, вероятно, забыла все, что было тогда между нами».

Я послал к ней Елисея, которого после смерти Пасынкова взял к себе в услужение, с моей визитной карточкой, и велел спросить, дома ли она и могу ли я ее видеть. Елисей скоро вернулся и объявил, что Софья Николаевна дома и принимает.

Я отправился к Софье Николаевне. Когда я вошел к ней, она стояла посреди комнаты и прощалась с каким-то высоким и плотным господином. «Как вы хотите, – говорил он густым и зычным голосом, – он не безвредный человек, он бесполезный человек; а всякий бесполезный человек в благоустроенном обществе вреден, вреден, вреден!»

С этими словами высокий господин вышел. Софья Николаевна обратилась ко мне.

– Как давно мы не видались! – проговорила она. – Сядьте, прошу вас...

Мы сели. Я посмотрел на нее... Увидеть после долгой разлуки черты лица, некогда дорогого, быть может любимого, узнавать их и не узнавать, как будто сквозь прежний, все еще не забытый облик – выступил другой, хотя похожий, но чуждый; мгновенно, почти невольно заметить следы, наложенные временем, – все это довольно грустно. «И я, должно быть, также изменился», – думает каждый про себя...

Впрочем, Софья Николаевна не очень постарела; но когда я видел ее в последний раз – ей минул шестнадцатый год, а с тех пор прошло девять лет. Черты лица ее стали еще правильнее и строже; они по-прежнему выражали искренность чувств и твердость; но вместо прежнего спокойствия в них высказывалась какая-то затаенная боль и тревога. Глаза ее углубились и потемнели. Она стала походить на свою мать...

Софья Николаевна первая начала разговор.

– Переменились мы оба, – начала она. – Где вы были все это время?

– Скитался кой-где, – ответил я. – А вы все в деревне жили?

– Большею частью в деревне. Я и теперь здесь только проездом.

– Что ваши родители?

– Матушка моя скончалась, а батюшка все в Петербурге; брат на службе; Варя с ними живет.

– А ваш супруг?

– Мой муж? – заговорила она несколько торопливым голосом, – он теперь в южной России, на ярмарках. Он, вы знаете, всегда любил лошадей и конский завод у себя завел... так вот для этого... он лошадей теперь покупает.

В это мгновение вошла в комнату девочка лет восьми, причесанная по-китайски, с очень острым и живым личиком, с большими темно-серыми глазами. Увидев меня, она тотчас отставила свою маленькую ножку, проворно присела и подошла к Софье Николаевне.

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

– Вот, рекомендую вам, моя дочка, – сказала Софья Николаевна, тронув девочку пальцем под кругленький подбородок, – никак не хотела дома остаться – упростила меня взять ее с собой.

Девочка окинула меня своими быстрыми глазами и чуть-чуть прищурилась.

– Она у меня молодец, – продолжала Софья Николаевна, – ничего не боится. И учится хорошо, за это я должна ее похвалить.

– Comment se nomme monsieur? [5] – спросила вполголоса девочка, нагнувшись к матери.

Софья Николаевна назвала меня.

Девочка опять на меня взглянула.

– Вас как зовут? – спросил я ее.

– Меня зовут Лидией, – ответила девочка, смело глядя мне в глаза.

– Вас, должно быть, балуют, – заметил я.

– Кто меня балует?

– Как кто? да, я думаю, все, начиная с ваших родителей. (Девочка молча посмотрела на свою мать.) Я воображаю, Константин Александрыч... – продолжал я.

– Да, да, – подхватила Софья Николаевна, между тем как дочка ее не спускала с нее внимательного взора, – муж мой, конечно... он очень любит детей.

Странное выражение промелькнуло в умном личике Лидии. Ее губки слегка надулись; она потупилась.

– Скажите, – поспешно прибавила Софья Николаевна, – ведь вы здесь по делам?

– По делам... И вы также?

– И я... В отсутствие мужа, вы понимаете, поневоле займешься делами.

– Маман! [6] – начала было Лидия.

– Quoi, mon enfant? [7]

– Non – rien... Je te dirai après [8] .

Софья Николаевна усмехнулась и пожала плечом.

Мы оба помолчали, а Лидия с важностью скрестила руки на груди.

– Скажите, пожалуйста, – начала опять Софья Николаевна, – помнится, у вас был приятель... как его бишь звали? такое доброе у него было лицо... он все стихи читал; такой восторженный...

– Не Пасынков ли?

– Да, да, Пасынков... где он теперь?

– Он умер.

– Умер? – повторила Софья Николаевна. – Как жаль!..

– Я его видала? – спросила торопливым шепотом девочка.

– Нет, Лидия, не видала. Как жаль! – повторила Софья Николаевна.

– Вы жалеете о нем... – начал я, – что ж, если б вы его знали, как я знал его?.. Но позвольте спросить, почему вы заговорили именно о нем?

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

– Так, не знаю, право... (Софья Николаевна опустила глаза.) Лидия, – прибавила она, – ступай к своей няне.

– Ты меня позовешь, когда можно будет? – спросила девочка.

– Позову.

Девочка вышла. Софья Николаевна обратилась ко мне:

– Расскажите мне, пожалуйста, все, что вы знаете о Пасынкове.

Я начал рассказывать. Я очертил в кратких словах всю жизнь моего друга, постарался, насколько сумел, изобразить душу его, описал его последнюю встречу со мною, его кончину.

– И вот какой человек, – воскликнул я, оканчивая свой рассказ, – отошел от нас, незамеченный, почти не оцененный! И это бы еще не беда. Что значит людская оценка? Но мне больно, мне обидно то, что такой человек, с таким любящим и преданным сердцем, умер, не испытав ни разу блаженства взаимной любви, не возбудив участия ни в одном женском сердце, его достойном!.. Пускай наш брат не изведает этого блаженства: он его и не стоит; но Пасынков!.. И притом разве не встречал я на своем веку тысячу людей, которые ни в каком отношении не могли с ним сравниться и которых любили? Неужели же должно думать, что некоторые недостатки в человеке – самоуверенность, например, или легкомыслие – необходимы для того, чтоб женщина к нему привязалась? Или любовь боится совершенства, возможного на земле совершенства, как чего-то чуждого и страшного для нее?

Софья Николаевна выслушала меня до конца, не спуская с меня своих строгих и пронизательных глаз и не разжимая губ; только брови ее изредка морщились.

– Почему вы полагаете, – промолвила она, помолчав немного, – что вашего друга ни одна женщина не полюбила?

– Потому, что я это знаю, знаю наверное.

Софья Николаевна хотела было что-то сказать и остановилась. Она, казалось, боролась сама с собой.

– Вы ошибаетесь, – заговорила она наконец, – я знаю женщину, которая горячо полюбила вашего покойного друга; она любит и помнит его до сих пор... И весть о его кончине поразит ее глубоко.

– Кто эта женщина? – позвольте узнать.

– Моя сестра, Варя.

– Варвара Николаевна! – воскликнул я с изумлением.

– Да.

– Как? Варвара Николаевна? – повторил я, – эта...

– Я договорю вашу мысль, – продолжала Софья Николаевна, – эта холодная, равнодушная, вялая, по-вашему, девушка любила вашего друга: оттого она не вышла замуж и не выйдет. До нынешнего дня я одна про это знала: Варя умерла бы скорее, чем выдать свою тайну. В нашей семье мы умеем молчать и терпеть.

Я долго и пристально посмотрел на Софью Николаевну, невольно размышляя о горьком значении ее последних слов.

– Вы меня удивили, – промолвил я наконец. – Но знаете ли, Софья Николаевна, если б я не боялся возбудить в вас неприятных воспоминаний, я тоже в свою очередь мог бы удивить вас...

– Я вас не понимаю, – возразила она медленно и с некоторым смущением.

– Вы точно меня не понимаете, – сказал я, поспешно вставая, – и потому позвольте мне вместо словесного объяснения прислать вам одну вещь...

– Но что такое? – спросила она.

– Не беспокойтесь, Софья Николавна, речь идет не обо мне.

Я поклонился и вернулся к себе в комнату, достал ладанку, снятую мною с Пасынкова, и послал ее к Софье Николаевне с следующей запиской:

«Ладанку эту покойный мой друг носил постоянно на груди и скончался с нею. В ней находится одна ваша записка к нему, совершенно незначительная по содержанию; вы можете прочесть ее. Он носил ее потому, что любил вас страстно, в чем он признался мне только накануне своей смерти. Теперь, когда он умер, почему вам не узнать, что и его сердце вам принадлежало?»

Елисей скоро вернулся и принес мне обратно ладанку.

– Что? – спросил я, – она ничего не велела сказать мне?

– Ничего-с.

Я помолчал.

– Прочла она мою записку?

– Должно быть, прочитали-с; ихняя девушка к ним носила.

«Недоступная!» – подумал я, вспомнив последние слова Пасынкова.

– Ну, ступай, – промолвил я громко.

Елисей улыбнулся как-то странно и не вышел.

– К вам-с... – начал он, – пришла одна девушка.

– Какая девушка?

Елисей помолчал.

– Вам покойный барин ничего не говорили-с?

– Нет... Что такое?

– Они, как в Новгороде были, – продолжал он, трогая рукой притолку, – с одной, примерно сказать, девушкой знакомство свели. Так вот эта девушка вас видеть желают-с. Я ее наемдни на улице встретил. Я ей сказал: «Приходи; коли барин прикажет, я пушу».

– Проси, проси ее, разумеется. Да что... какая она?

– Простая-с... из мещанок-с... русская.

– Покойный Яков Иваныч любил ее?

– Ничего... любили-с. Ну и она... Как узнала, что барин скончался, очень убивалась. Девушка ничего, хорошая-с.

– Проси ее, проси.

Елисей вышел и тотчас же возвратился. За ним шла девушка в ситцевом пестром платье и с темным платком на голове, до половины закрывавшим ее лицо. Увидев меня, она застыдилась и отвернулась.

– Чего ты? – сказал ей Елисей, – ступай, не бойся.

Я подошел к ней и взял ее за руку.

– Как вас зовут? – спросил я ее.

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

– Машей, – отвечала она тихим голосом, украдкой взглянув на меня.

На вид она казалась лет двадцати двух или двадцати трех; лицо имела круглое, довольно простое, но приятное, нежные щеки, кроткие голубые глаза и маленькие, очень красивые и чистые руки. Одета она была опрятно.

– Вы знали Якова Иваныча? – продолжал я.

– Знавала-с, – проговорила она, подергивая кончики платка, и слезы выступили на ее веки...

Я попросил ее сесть.

Она тотчас села на край стула, не чинясь и не жеманясь. Елисей вышел.

– Вы с ним в Новгороде познакомились?

– В Новгороде-с, – отвечала она, заложив обе руки под платок. – Я только третьего дня от Елисея Тимофеича узнала о их кончине-с. Яков Иваныч, как в Сибирь отъехали, писать обещались, и два раза писали, а больше не писали-с. Я бы за ними и в Сибирь поехала, да они не хотели-с.

– У вас в Новгороде есть родственники?

– Есть.

– Вы с ними жили?

– Я жила с матушкой и с сестрой с замужней; а после матушка на меня прогневалась, да и сестре тесно стало: у них детей много; я и переехала. Я всегда надеялась на Якова Иваныча и ничего не желала, как только его видеть, а они со мной всегда были ласковы – спросите хоть Елисея Тимофеича.

Маша помолчала.

– У меня и письма их есть, – продолжала она. – Вот посмотрите-с.

Она достала из кармана несколько писем и подала мне.

– Прочтите-с, – прибавила она.

Я развернул одно письмо и узнал руку Пасынкова.

«Милая Маша! (писал он крупным, разборчивым почерком) ты вчера прислонилась своей головкой к моей голове, и когда я спросил: зачем ты это делаешь? – ты мне сказала: хочу послушать, о чем вы думаете. Я тебе скажу, о чем я думал: я думал, как хорошо бы выучиться Маше грамоте! Она бы вот это письмо разобрала...»

Маша заглянула в письмо.

– Это они мне еще в Новгороде писали-с, – проговорила она, – когда они меня грамоте учить собирались. Посмотрите другие-с. Там есть одно из Сибири-с. Вот то прочтите-с.

Я прочел письма. Все они были очень ласковы, даже нежны. В одном из них, именно в первом письме из Сибири, Пасынков называл Машу своим лучшим другом, обещался выслать ей деньги на поездку в Сибирь и кончил следующими словами: «Целую твои хорошенькие ручки; у здешних девушек таких ручек нету; да и головы их не чета твоей, и сердца тоже... Читай книжки, которые я тебе подарил, и помни меня, а я тебя не забуду. Ты одна, одна меня любила: так и я ж тебе одной принадлежать хочу...»

– Я вижу, он к вам очень был привязан, – сказал я, возвращая ей письма.

– Они меня очень любили, – возразила Маша, тщательно укладывая письма в карман, и слезы тихонько потекли по ее щекам. – Я всегда на них надеялась; если б господь продлил им веку, они бы не оставили меня. Дай бог им царство небесное!..

Она утерла глаза кончиком платка.

– Где же вы теперь живете? – спросил я.

– Теперь я здесь, в Москве; приехала с барыней, а теперь без места. К Яков Ивановичей тетеньке ходила, да они сами очень бедны. Мне Яков Иваныч часто об вас говаривали-с, – прибавила она, вставая и кланяясь, – они очень вас всегда любили и помнили. Я вот Елисея Тимофеича третьего дня встретила и подумала: не захотите ли вы помочь мне, так как я без места теперь стала...

– С большим удовольствием, Марья... позвольте спросить, как вас по отчеству?

– Петрова, – ответила Маша и потупилась.

– Все сделаю для вас, что могу, Марья Петровна, – продолжал я, – мне жаль только, что я здесь проездом, мало знаю домов хороших.

Маша вздохнула.

– Мне хоть бы какое-нибудь место-с... Кроить я не умею, а сшить, так все сошью... ну, за детьми ходить тоже могу.

«Денег ей дать, – подумал я, – но как это сделать?»

– Послушайте, Марья Петровна, – начал я не без замешательства, – вы, пожалуйста, извините меня, но вы из слов Пасынкова знаете, как я был с ним дружен... Не позволите ли вы мне предложить вам... на первый случай небольшую сумму?..

Маша взглянула на меня.

– Чего-с? – спросила она.

– Не нужно ли вам денег? – проговорил я.

Маша покраснела вся и наклонила голову.

– На что мне деньги? – прошептала она. – Лучше мне место достаньте-с.

– Место я вам постараюсь достать, но наверное отвечать не могу; а вам грешно совеститься, право... Ведь я для вас не чужой какой-нибудь... Примите это от меня на память о нашем друге...

Я отвернулся, поспешно достал из бумажника несколько ассигнаций и подал ей.

Маша стояла неподвижно, еще ниже потупив голову...

– Возьмите же, – твердил я.

Она тихо возвела на меня свои глаза, посмотрела мне в лицо печальным взором, тихо высвободила бледную руку из-под платка и протянула ее мне.

Я положил ассигнации на ее холодные пальцы. Она молча спрятала руку опять под платок и опустила глаза.

– Вы и вперед, Марья Петровна, – продолжал я, – если вам что-нибудь будет нужно, пожалуйста, обращайтесь прямо ко мне. Я вам доставлю мой адрес.

– Покорно благодарствуйте-с, – проговорила она и, помолчав немного, прибавила: – Они с вами обо мне не говорили-с?

– Я с ним встретился накануне его смерти, Марья Петровна. Впрочем, не помню... кажется, говорил.

Маша провела рукой по волосам, слегка подперла щеку, подумала и, сказав: «Прощайте-с», пошла вон из комнаты.

Я сел у стола и принялся думать горькую думу. Эта Маша, ее сношения с Пасынковым, его письма, скрытая любовь к нему сестры Софьи Николаевны... «Бедняк!»

Яков Пасынков. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
бедняк!» – шептал я, тяжело вздыхая. Я вспомнил всю жизнь Пасынкова, его
детство, его молодость, фрейлейн Фридериду... «Вот, – думал я, – много дала тебе
судьба! многим тебя порадовала!»

На другой день я опять пошел к Софье Николаевне. Меня заставили подождать в
передней, и, когда я вошел, Лидия уже сидела рядом с своею матерью. Я понял, что
Софья Николаевна не желала возобновлять вчерашнего разговора.

Мы начали толковать – право, не помню о чем, о городских слухах, о делах... Лидия
часто ввертывала свое словечко и лукаво на меня посматривала. Забавная важность
проявлялась вдруг на ее подвижном личике... Умная девочка, должно быть,
догадывалась, что мать нарочно посадила ее подле себя.

Я встал и начал прощаться. Софья Николаевна проводила меня до двери.

– Я вам ничего не отвечала вчера, – сказала она, остановясь на пороге, – да и
что было отвечать? Наша жизнь не от нас зависит; но у нас у всех есть один
якорь, с которого, если сам не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга.

Я безмолвно наклонил голову в знак согласия и простился с молодой пуританкой.

Весь этот вечер остался я дома, но я не думал о ней: я думал, все думал о моем
милом, незабвенном Пасынкове – об этом последнем из романтиков, и чувства, то
грустные, то нежные, проникали с сладостной болью в грудь мою, звучали в струнах
еще не совсем устаревшего сердца... Мир праху твоему, непрактический человек,
добродушный идеалист! И дай бог всем практическим господам, которым ты всегда
был чужд и которые, может быть, даже посмеются теперь над твоею тенью, дай им
бог изведать хотя сотую долю тех чистых наслаждений, которыми, наперекор судьбе
и людям, украсилась твоя бедная и смиренная жизнь!

1855

Примечания

- 1 «Дорогой друг Константин!» (фр.)
- 2 «Сочинения Шиллера» (нем.) .
- 3 «Покорность» (нем.) .
- 4 «Мой милый, милый господин Яков!» (нем.) .
- 5 Как звать господина? (фр.) .
- 6 Мама! (фр.) .
- 7 что, дитя мое? (фр.) .
- 8 ничего... я тебе потом скажу (фр.) .

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!